

наратыўнай прасторы шляхам увядзення рэтраспекцыйных блокаў, дэталізацыі, апісальнасці, разгорнутай дыялагічнасці (у залежнасці ад аўтарскага рашэння) пры захаванні асноўных навілістычных прынцыпаў (А. Аланазараў, А. Адэ, К. Нурбадаў). Міжжанравае ўзаемапрацікненне прыводзіць да мадыфікацыйных змен на ўзроўні кампазіцыі, некаторыя з якіх з'яўляюцца адзінкавымі, што і дазваляе вылучыць адметны характар сучаснай туркменскай навелы.

Спіс літаратуры

- 1 Жураўлёў, В. П. Структура твора. Рух сюжэтна-кампазіцыйных форм / В. П. Жураўлёў. – Мн. : Навука і тэхніка, 1978. – 312 с.
- 2 Макуренкова, С. А. Система жанров в литературе шекспировской эпохи / С. А. Макуренкова // Теория литературы : в 4 т. / Редкол. Ю. Б. Бореев и др. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3. – С. 182–218.
- 3 Нурбадов, К. Мелекуш / К. Нурбадов // Святая любовь : сб. произведений писателей Беларуси и Туркменистана / сост. Алесь Бадак. – Минск : Изд. Дом «Звезда», 2013. – С. 27–31.
- 4 Алланазаров, А. Мать / А. Алланазаров // Святая любовь : сб. произведений писателей Беларуси и Туркменистана / сост. Алесь Бадак. – Минск : Изд. Дом «Звезда», 2013. – С. 131–134.

УДК 82`06-311.6:94(47+57)''1941-1945''

В. В. ГОНЧАРОВ

(г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины)

ЛИТЕРАТУРА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматривается литература о Великой Отечественной войне в контексте современного информационного пространства. Предлагаются варианты способов художественного освоения темы Великой Отечественной войны современной литературой.

Великая Отечественная война – это не только чудовищная трагедия, но и величайший подвиг нашего народа. Поэтому совершенно справедливым является тот факт, что данное историческое событие стало краеугольным камнем в формировании фундамента нравственных ценностей многих поколений.

В современном информационном пространстве эта традиция сохраняется, однако в рамках поиска новых стратегий эффективного воздействия на читателя, основанных на увлекательной и занимательной фабуле, острых конфликтах, появляются версии о войне, направленные на слом традиционных нравственных ценностей в массовом сознании. А поскольку рассматриваемые вопросы, сюжеты и герои в литературных текстах и кинематографе почти полностью совпадают, мы можем анализировать эти явления в своеобразном кинолитературном единстве.

Понятно, что современная массовая культура, активно откликающаяся на общественное состояние, представляет новые версии о войне, не соотносясь с их научностью. При этом некоторые публицисты и писатели прибегают к популярным вариантам изложения истории, далеким от объективности.

Наиболее насаждаемым на сегодняшний день является предложение переосмыслить феномен Победы Советского Союза, принятие которого приведет к разрыву преемственности исторического знания, разочарованию и утрате радости Победы. Так, В. О. Ключевский считал формирование исторического сознания необходимым фактором бытия

русского народа: “Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться” [1, с. 43].

Несмотря на возникший мировоззренческий разлад, активно продолжается процесс изучения и освещения темы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствует непрерывное появление книг современных авторов, освящающих подлинную трагедию и цену войны.

Художественная литература: роман Першанина В. “Не промахнись, снайпер!”, роман Пфёч К. “Танковая бойня под Прохоровкой. Эсэсовцы в огне”, бестселлер Лысёва А. “Ни шагу назад! Стоять насмерть”, роман Рыбакова А. “Переиграть войну! В «котле» времени”, блокадный роман Тургенева А. “Спать и верить”, роман Денисова В. “Огненный плен”, Ивакин А. “Десантура – 1942. В ледяном аду”, фронтовой боевик Савицкого Г. “Танковые засады. Бронбойным, огонь!”, Ивакин А. “Вся наша смерть – игра”, Михеенков С. “Обреченный взвод: штрафники 1941 года”.

Документалистика: Пыхалов И. В. “Великая оболганная война”, Алиев Р. В. “Штурм Брестской крепости”, Замулин В. “Прохоровское побоище: Правда о «величайшем танковом сражении»”, Бок Ф. “Я стоял у ворот Москвы: военный дневник командующего группой армий «Центр»”, Дюков А.Р. “«Русский должен умереть!»: От чего спасла нас Красная Армия”, Исаев А. “АнтиБЛИЦКРИГ Красной Армии. От победы под Москвой до Харьковской катастрофы”, Пыхалов И. “Вся правда о штрафбатах”, Шапошников Б. М. “Битва за Москву: решающее сражение Великой Отечественной”, Исаев А. В. “Великая Отечественная альтернатива. 1941 в сослагательном наклонении”.

В современном информационном пространстве можно выделить несколько вариантов художественного освоения данной темы.

Одной из популярных моделей является воссоздание художественного пространства Великой Отечественной войны с элементами фантастики. Интересным примером военно-исторической фантастики представляется роман Рыбакова “Переиграть войну! В «котле» времени”.

Действия в романе начинают разворачиваться в 2010 г. Двое взрослых мужчин собираются активно отдохнуть, поиграв в страйкбол. Одев камуфляжи и вооружившись игрушечными автоматами, герои гоняются друг за другом по белорусским лесам. Их игра в войну кажется им невинной блажью, пока они не проваливаются из сегодняшнего дня в кровавое лето 1941 года, где окруженные части Красной Армии истекают кровью в “котлах”, вокруг горят русские деревни.

Весьма симптоматичными для современного общества являются описанные в данном романе процессы.

История (Великая Отечественная война) перестает быть ценностью. Вместо воссоздания смыслов произошедшего, постижения уроков и истин, которые нам преподнесла история, люди ищут острых ощущений и развлечениях вроде страйкбола, и тем самым забывают, что война – это не игра. Поэтому, для того, чтобы в сознании читателя “освежить” и обновить исторические знания о Великой Отечественной войне, тускнеющие за сроком давности, автор создает в своем художественном произведении точку перехода из мира современной читателю реальности в мир параллельной реальности, прошлой.

Н. В. Сулова в своей статье “Гори, гори, моя «Звезда»” отмечает: “Человек живет в хаосе сменяющих друг друга, но при этом никуда не уходящих событий, в своем «прошлонасташебудущем», блуждает по лабиринтам отражений или по виртуальным реальностям – как кому больше нравится – своего бытия. Но в какой-то момент (либо отражения в одном из закоулков оказались слишком уж смутными, либо перебирающийся из одной реальности в другую перестает ощущать разницу между своими временными

пристанищами), вдруг начинает испытывать потребность в известной упорядоченности процесса. Так рождается чувство необходимости новой мифологии, способной укротить хаос, то есть потребность в том, что мы обычно называем историей” [2, с. 87].

Таким образом, произведение созданное автором для описания и организации опыта и способа жизни современного общества с помощью взаимосвязи исторических и фантастических элементов, является вполне естественным.

В книге “Что такое фантастика?” Ю. Кагарлицкий пишет, что “то или иное произведение остается в пределах фантастики лишь до тех пор, пока средства убедительности – сколь бы реалистичны они ни были сами по себе – служат именно фантастике. Там, где этот принцип нарушен, фантастическое допущение немедленно обнаруживает всю свою шаткость. Он отделяется от реалистического по самой сути своей произведения, становится простой литературной условностью. В подобного рода вещах фантастика ничего не определяет. Когда автору нужен просто литературный прием, становится безразлично, откуда этот прием заимствован” [3, с. 12].

Так, Ю. Манн сближает фантастику с преувеличением, воспринимая их как явления одного порядка: и в фантастике, и в преувеличении он выделяет как наиболее характерную черту смещение, намеренное искажение реальных пропорций, непохожесть ни на одно конкретное явление действительности. В таком виде фантастика, по мнению исследователя, служит гротеску и сатире [4, с. 38].

Вторая популярная модель воссоздания художественного пространства Великой Отечественной войны – альтернативная реальность.

Эта тенденция объясняется тем, что к произведениям, написанным о войне по горячим следам авторами, которые сами были участниками войны, каждый год прибавляются новые произведения писателей, не принимавших участие в боевых действиях Великой Отечественной войны и не располагающие непосредственным знанием о характеризующих событиях или хорошей исследовательской информацией о них. И чем больше проходит времени, тем больше исторический мир становится декорацией, в которой разыгрываются актуальные для современного мира темы и сюжеты, призванные проверить, осмыслить уже существующие или разработать новые формульные подходы к истории Великой Отечественной войны.

Дж. Кавелти в своей статье “Изучение литературных формул” отмечает: “Формулы созданы культурой и, в свою очередь, влияют на культуру, поскольку становятся общепринятыми способами представления и соотнесения определенных образов, символов, тем и мифов. Процесс, в ходе которого формулы развиваются, меняются, уступают место другим формулам, представляет собой род культурной эволюции, в котором выживают те, которые отбирает аудитория” [5, с. 55].

Однако создание альтернативной реальности Великой Отечественной – задача очень непростая. И перекраивать историю, вплетая в художественную ткань своего произведения реалии великой и страшной войны, решаются не многие.

Измышления на тему исторических альтернатив в современной литературе очень разнообразны. Примером может послужить произведение Ивакина “«Тигры» на Красной площади. Вся наша смерть – игра”. События разворачиваются в наше время с альтернативным исходом Второй мировой войны, где Гитлер одержал победу.

Следует отметить, что подобный подход к художественному изложению истории не является изобретением нашего времени, еще в 59 году до нашей эры римский историк Тит Ливий описал возможную историю противостояния Рима и империи Александра Македонского, предположив, что Александр не умер в 33 года, а продолжил жить и править своей империей.

Третья модель – воссоздание исторической атмосферы Великой Отечественной войны

через эстетику жанра фэнтези. Например, роман Бояшова “Танкист, или «Белый тигр»”. Эпиграфом к данному произведению послужили строки из романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”: “Не будешь ли так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?”.

Это произведение о схватке русского танкиста и немецкой чудо-машины – танка “Белый тигр”, из которой вышел победителем русский танкист. Это почти былинная сказка о схватке русского богатыря с заморским чудовищем, с многоголовым Змеем Горынычем. На форзаце книги схематично, но узнаваемо, изображен танк Т-34-85 с подписями: “Пулемет стрелка-радиста”; “Люк механика-водителя”; “Грязевой щиток”. Эти сугубо технические сведения небезынтересны и весьма полезны читателю. Например, в тексте и примечаниях рассказывается о технической стороне боевых машин, а также тех жертвах, которые несли советские танкисты из-за конструктивных недостатков танков и неправильной тактики ведения боев.

Они проходят по сюжету всей книги и не снижают стремительный темп повествования. Быстрая смена кадров, планов и ракурсов обеспечивает многообразие впечатлений, что создает ощущение кинематографичности романа. Главные герои романа – это танковый экипаж, прямая аллегория войны. Таким образом, история причудливо переплетаясь с фантазией, трансформируется в миф, в легенду.

Н. В. Сулова пишет: “История не начинается своего течения, его начинают нуждающиеся в ней. История – миф, своего рода «творимая легенда»” [2, с. 235].

Все рассмотренные нами модели литературного освоения данной темы в современном информационном пространстве являются эффективным способом художественной коммуникации, так как основаны на постижении, осмыслении истории через реалии современной эпохи.

А. В. Тагильцев в своей статье отмечает: “Узнавание иного пространства, иной ментальности – обоюдный процесс, который позволяет в художественном мире произведения, т. е. в мире фикциональном по определению, утвердить пафос нефикциональности, достоверности иной, внеположенной современности исторической реальности. Об этом свидетельствуют и стилевые доминанты, документально-натуралистическая поэтика, фактура прозы, внимание к деталям и подробностям, из которых воссоздается образ истории. Естественно при этом, что индивидуальные интерпретации этого образа могут быть самыми разными” [6].

Таким образом, современные писатели открывают в отнюдь не простой и очень неоднозначной истории Великой Отечественной войны новые аспекты и проблемы, что позволяет возобновить героические и трагические страницы войны во всех деталях на качественно новом уровне, через отношение к которым осуществляется идентификация национального самосознания.

Список литературы

- 1 Ключевский, В. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. Ключевский. – М. : Современный писатель, 1968. – 332 с.
- 2 Сулова, Н. Гори, гори, моя “Звезда” / Н. Сулова // Война в славянской литературе. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2005. – С. 234–239.
- 3 Кагарлицкий, Ю. Что такое фантастика? / Ю. Кагарлицкий. – М. : Художественная литература, 1974. – 39 с.
- 4 Манн, Ю. О гротеске (в литературе) / Ю. Манн М. : Советский писатель, 1966. – 82 с.
- 5 Кавелти, Дж. Изучение литературных формул / Дж. Кавелти // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33–64.
- 6 Тагильцев, А. Образ Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / А. Тагильцев. – Режим доступа : <http://psibook.com/literatura/tuman-voyny-obraz-velikoy-otechestvennoy->